

## К биографии поэта:

Михаил Михайлович Степаненко родился в канун Рождества, 24 декабря 1945 года в Новосибирске: здесь прошли его детство и юность, отсюда уходил он в армию, где отслужил полный срок в Западной Группе Войск в Германии, а вернувшись, долгие годы работал на вертолетном заводе. Он всегда был заядлым книжником и знатоком литературы, и эта склонность его глубокой сосредоточенной души естественным образом привела его к поэзии в начале 60-х годов, и уже тогда проницательный А. И. Плитченко, отмечая драматизм его поэзии и стремление к поиску, включил его стихи в "Гнездо поэтов", ставшее ныне легендарным изданием. В 1995 году в этом же издательстве "Мангазея" выходит первая самостоятельная книга поэта "На краткую разлуку". Удивительно, но с годами он так и остался верен своей юношеской "угловатой" манере, своему порывистому, но глубоко содержательному стилю. Таковы его публикации в сборниках "Ось бытия" (поэзия, 2006), "Горький запах полыни" (проза, 2005), "Несовпавший" (проза, 2007), авторских сборниках "Афиан" (2011) и "Растрava" – последней книги поэта.

## Вступление

Над морем чайки, над нами сизари.  
О ком они и что нагульковали?  
Не поднимая головы, облюбовали  
Мы этот уголок ухоженной земли.

Над морем – души, над нами – синь и снег...  
Там моряков сопровождают братья,  
Их серафим и херувим над водной гладью,  
У нас – путь городской и тружеников бег.

Там лайнеры, здесь – зданий корабли.  
И миллионы, миллионы жизней.  
Ещё не обесценен труд. И тризну  
Не правит уголок ухоженной земли.

Два кабака. Зал будущих знакомств,  
Аптека, парикмахерская, фото...  
И, наконец, библиотека по субботам –  
Нас брал в объятья щедрый Салтыков.

Наискосок есть, правда, гастронорм,  
И роль его значительней и шире,  
Чем может показаться, в этом мире,  
Но мы его случайно обойдём.

И там, где нижних этажей стекло  
Нам отражает блеск забот и развлечений,  
Их полумрак. Похоже на кино  
Всё, чем живёт Новосибирск вечерний.

## Салтыковка

На древних книгах посвящений нет,  
И авторы себя не называют;  
Их летопись – единоверный свет –  
Нам корни памяти лучами строк питает.

Нас факты поражают неспроста:  
На свитках, на папирусах, где воды  
Вдруг расступаются, горит огонь куста  
Неопалимого, и каплют пот и годы.

Нас факты поражают. И тогда  
Мы ищем параллельные приметы  
В морщинах тополей, оркестрах, городах.  
Орфеев нет, но есть певцы-поэты.

Есть революции и спутники Земли,  
Иные реформаторы, иные...  
Их имена войдут в страницы книг и плит.  
Но те, безвестные, по-древнему, святые.

\* \* \*

Первые встречи на небе давно позабыты,  
 Нечем уже позабавить и некуда переселить  
 Словом прошитую душу,  
        где память разлукой омыта,  
 Что ж, дорогая, крепись, коль велено жить.

Тысячу раз я свободен,  
        когда во мне тайна разлита,  
 В тысячу первый – прощальные отзвуки дня:  
 Слышу под клёном песню  
        с крылом перебитым,  
 Песни чужие, чужие глаза не любя.

Ах, когда лето трехмесячным  
        солнцем вспыхает,  
 А снеговая долина помчится в затон,  
 Я поездам, обречённым на бег,  
        привет посылаю,  
 Братьям твоим, грозящий земле Фаэтон.

Первые встречи. Выцвели наши картины.  
 То, что сберёг, развесил по небу –  
        мне повезло.  
 Проживаю теперь на земле.  
        Эй, крылья строптивые!..  
 Перьями дети играют.  
        Здесь дом и, конечно, тепло.

\* \* \*

Ты ушёл, но оставил мне целое царство:  
 над оврагом барак и слепую печаль облаков,  
 за игрушечным садом обское широкое счастье  
 и берёз крестный ход вокруг деревень и лугов.

Я ещё не успел оглянуться,  
        как выросли стены,  
 дикий голубь позвал сизарей делить небеса,  
 как навалились они на грачей,  
        воробьёв оголтелых,  
 не хватало воды ключевой для смягчения  
        ран дележа.

Ещё бурный апрель бередил берендеевы  
        пляски  
 и тревога зудила меня на прибрежном песке,  
 как за сладостный сон я потом заплатил  
        сыновним участием  
 и младенцу в глаза посмотрел  
        и увидел себя вдальеке.

Было лето: вовсю зеленели душистые травы,  
 а грибница ещё отдыхала, и пел теплоход,  
 когда я оглянулся, – ударила прямо в лицо,  
        для забавы  
 весть вороньих сердец. Оторопела душа.  
        Замер порт.

Спятил нищий. Сдурела базарная псарня,  
 когда мать, присев на диван, повязала платок  
        и без слов  
 обняла мою голову, словно я распроцался  
        с казармой,  
 вот стою на крыльце, вот вошёл мужиком  
        в отчий дом.

Но тебя уже нет и, пока не сгубили ограду,  
 причасти меня, Ма, и на царствие благослови.  
 – Успокойся, сынок, ты увидишь, что надо тебе  
        и не надо,  
 Если ты очевидец молитвенной муки любви.

\* \* \*

До чего же странные у нас мужики,  
 кажется, просто живут,  
 капнешь – пишут стихи,  
 на уши поставили всю страну.  
 Другие, с пелёнок в науку,  
 престижно и долго идти,  
 поставят науку в угол,  
 такие нам тоже нужны.  
 А этот поссорился с людьми:  
 - да гений, на челе написано,  
 до примитива любит мир,  
 к тому же курицу и Пасху.  
 Десятый Шёнберг в философии,  
 забросит в чулан топор,  
 купит пуховик и кроссовки,  
 скажет умирать пора.  
 У каждого странные отношения с богом:  
 Когда было нельзя – тайком в церковь,  
 когда можно – изучают йогу,  
 а вместо театра ходят в цирк.  
 В народе говорят, что они пьют,  
 на самом деле – избавляются,  
 избавляются от денег и компьютеров.  
 Иногда собираются вместе.  
 Забавляются.

### По дороге к дому престарелых

Из далёкой деревни, где брёвна в обхват,  
 Привезли старика в непонятный город  
 Два здоровых детины и третий – сват,  
 Будто в том краю мор и голод.

Посадили в троллейбус. Сказали: «Езжай».  
 И пошли в ресторан пить водку.  
 Дед осёкся, упал на сиденье.-  
 - А жаль,  
 И не понял какого толку...

Мчались в окнах дома, магазины, такси,  
 Но заметил дед другое:  
 Рубят здесь тополя, как сосны в леси,  
 За их ясный цвет из былого.

А когда контролёр крикнул: «Где билет?»  
 Дед опешил: - Сударь, не знаю.  
 «Выходи, старик, на зелёный свет  
 Перейдешь...» - Дорогу-то знамо.

Перешёл дорогу, руку сунул в карман,  
 Что-то бросил собаке нищей,  
 Ткнул калитку плечом, а в глазах туман,  
 Помянул людей и Всевышнего.

\* \* \*

Мне красоты иной не надо  
 То белый год, то зелен день  
 Над руслом старого оврага,  
 Во вздохе сосен по воде.

Кудлатых старцев рям душистый,  
 Тумана плодоносный пот  
 Грибной. Словно испуг, повисли  
 В нём, чьи глаза – на ветке чёрт.

Коротких сёл дороги в травах,  
 И вдруг тревожный поворот,

И самая большая рана,  
Когда бурлит речной мотор.

Мне красоты иной не надо,  
От шума комнату беречь.  
Слышу тебя, городская гитара,  
Верю тебе, хромосферный ларец.

\* \* \*  
Дымкой голубки пролетело лето.  
Полиняла осень золотой басмой.  
Пасмурное рденье северного света  
Будет разгораться над обской водой.

Станут удивляться города и веси,  
Воздух воскресения в жилах оживёт.  
Наше ожидание - будущая песня,  
Та, что нам синица с вербы пропоёт.

Как же неохота! Провожая лето.  
Разноцветным руслом - катер на реке.  
Веси, люди, песни медленного света –  
Всё перед лицом они - на северной руке.

\* \* \*  
Мы поделимся с тобой  
На том свете угольками,  
Я раздую эти камни  
Под тобой и подо мной.

Но и там, на суд души,  
Где излюбленно страданье,  
Я скажу тебе; - «Пляши!  
Хочешь, вместе – на прощанье».

\* \* \*  
Мы поделимся с тобой  
На том свете угольками,  
Ты – за то, что крутишь мной,  
Я – невольник нашей драмы.

Уж когда зажгут огонь,  
Мы запрыгаем на камнях.  
Начался как будто гон,  
И горох щекоток как бы.

\* \* \*  
Мы поделимся с тобой  
На том свете угольками,  
Огоньками, как цветами,  
Друг мой милый, дорогой.

Вор под шапкой не горит,  
Жар за пазухой не камень.  
Рубль, бельё – обуза как бы,  
Но не смыть лицо зари.

Два весёлых мужика  
Сядут слева, сядут справа,-  
Вот и вся наша забава  
Освящённого греха.

Мы за ставенкой резной  
Угольки поделим с миром.  
Ты мне скажешь: «Друг мой милый,-  
Всё, что нажили с тобой...».

## Осень

Обь – как будто постарела:  
Похудели берега,  
Как в далёком детстве, мели  
Поросли травой.  
Луга  
За Большой Курьёй дымятся.  
Спит купчихой на холме  
Кольвань; горит румянцем  
Нищий храм, одетый в хмель.  
А за Чаусом – озёра,  
Потемневшие до дна.  
Жеребёнок с косогора  
Мчится прямо без разбора  
Мать догнать и перегнать.  
Всё в дымах дремотной тайны:  
Здесь – под бором, там – в песке,  
И карась, совсем нечаянный,  
Золотом кипит в руке.

\* \* \*  
Говорила мне мама в детстве:  
«Если ты от хворобы скис,  
Есть в Сибири травы чудесные,  
Пойди, сынок, поклонись

Если травы пожухли, повяли,  
Ты от сирости не тужи:  
Корень – ты, как земля с корнями,  
Ну, а значит – надо жить».

Что же мучает, жжёт и неволит,  
Выворачивает всё на то,  
Когда счастье становится горем,  
Там, где зелено – стало желто.

Всё желтеет: синее, красное.  
Очень хрупкая света нить.  
Так уходит лето напрасное  
Свои раны жалостью мыть.

Я уже не ишу, как в детстве,  
Травы те, чтоб недуг заглушить,  
Только слышу голос чудесный:  
«Надо жить, сынок, надо жить».

\* \* \*  
Кто ходил по подвалам царей ассирийских  
Кто молитвой дышал у кумранских пещер  
Вот и мы прикоснулись к душе клинописца  
Вот и нам пайка воздуха камень плащей

Нам сегодня развяжет язык Ян Потоцкий,  
Мы сегодня больны игрой кнехтиан,  
Правду режут Ламанчский и Высоцкий,  
Ворон спорит с орлом, а орёл уж давно  
атаман.

Все встречаются здесь: поэт и бродяга,  
Марко Поло и Рильке, Аввакум и Христос.  
Можно жить и без книг, но какая отвага  
Будет строить им храмы лицом на восток.

Все встречаются здесь: безделье и скука,  
Лес пророчеств, пыль тайн, раздумий цветы.  
Смесь любви: эссенция плоти и мука.  
Все встречаются здесь: Они, Я и Ты.

\* \* \*

Закат снимает кожу с бела дня  
И оголяет отвращение и радость:  
Сладка жара и родственная радость,  
И растревожена проклятая вина.

Кому сказать? Утешит ли утрата...  
А шум прибрежный отраженьё пьёт.  
Брат когда-нибудь станет мне братом  
И меня никогда не убьёт.

Что там завтра? Дай знак, аль не важно?  
Голубей на балконе кормить...  
Блудный сын постучится однажды.  
Улетят... Когда грудь задрожит.

Ты снимаешь чешуйчаты блёстки  
От костра потемневшей Оби –  
Это праздник небесного плёса  
И прижизненной нашей любви.

Греет письма бесценная свалка,  
Голос аудио и стих:  
Поэт растёт душой и всякий ангел  
Несёт ему запечатленный миг.

\* \* \*

Приоткроется дверь на распутье  
И асфальт заблестит от ручьёв  
Будет полдень от местного гуда  
И от пары в душе соловьёв  
Торопиться не надо. Помедлим,  
Слыша капельный медный полёт  
Вот уж по небу белых медведей  
Прошагал шерстяной тучный взвод  
Бородатый мужик у киоска  
Подсчитал стеклотары доход  
И над лужей качнув пару досок  
Закурил как большой пароход  
Не спеши. Мы сегодня помедлим  
Возле окон дворца Скорняка  
На крыльце за Аврама Ушерыча  
Где поэты лечили сердца.

\* \* \*

...Всю ночь луна переплывала Обь,  
Любуясь южным отражением в заливе.  
Склонив голову на мокрое весло,  
Лежал я на песке, раскинув крылья.

Пристань в затишьё сонном  
Будят бредовые волны.  
Сколько бездомных ночей  
ей посвятил.

Пусть нерушимые распри  
Здравствуют в нас  
Между башкою и сердцем.

Шелест песка побережья  
К диким низовьям Оби  
здесь провожал.

Сколько напевов безвестных  
перехватил.

Сколько любимых друзей  
здесь избежал.

\* \* \*

Ты один мне берег милостивый:  
Грусть воды, тобой пьянеть.  
Оглянись и небо вывесило  
Эту грусть в тебе.

Да везде: и в миске глиняной,  
На губах и вдоль Оби  
Выдыхает кровь калиновая:  
– Помолись любви.

\* \* \*

В птичий час незримым утром  
Утрачены слова. В тумане лес.  
Так невесомо чист, так одиноко мудр.  
Царит роса на отуманенном весле.

Ещё Ярило в сонном просыпанье,  
Булатный меч ещё летит извне  
Краеокруглого недосаганья  
Переполошным петухом огня.

Ещё молчание цепляется за ветки.  
И над водой чешуйчатая мгла,  
Ещё в росе луны прохладной свету  
Озябшими зрачками шевелит.

\* \* \*

*Родовому толопо посвящается*

Пришла пила. Крутнули маховик.  
Она завывала и вонзилась в тело.  
Как мучила она все 300 лет,  
Казалось, радовалась мне и пела.  
Не падал я. Она  
Аж перегрелась и вспотела.  
На самом деле сдохла и сгорела.  
А я лежал. Мне было всё равно.  
Ещё сочились корни, жаль, что никогда  
В тени зелёной  
Вина не выпьет бражник,  
Не прислонится кто-то иногда,  
Так, по нужде из мужиков заблудших.  
А дети ползли по телу моему,  
Доки во мне еще бежали соки.  
И верили, что никогда не увезут  
Меня на погребальные пособия.

\* \* \*

Ты кружи, орёл сибирский,  
Плавно, коршун золотой,  
В короде чаек близких,  
С голубицей молодой.

Ястребом над местной нивой  
Взгляд молниеносный свой,  
Не бросай на птах пугливых,  
Ты им, братец, не чужой.

Ты кружи, орёл сибирский,  
Жизнь свою пиши пером  
На страницах серебристых,  
В короде золотом.

## О старом школьном друге

Улицы «Парижской коммуны», в простонародье «Парижской», уже нет на карте Новосибирска. Но в далекие пятидесятые была такая улица, улица небольших частных домов, цветущей сирени и раскидистых яблонь. Ареал обитания нашего детства на этой улице ограничивался с одной стороны улицей Рельсовой, на которой жила я, и глубоким оврагом – с другой, над которым и приютился дом семьи Степаненко. Семья состояла из трёх человек: мама и два сына: Миша и Витя.

Знала я Мишу и до школы, а в 1953 году мы поступили в один 1 «Б» класс начальной школы №7. Миша был маленьким, юрким и совершенно бесстрашным мальчишкой – хулиганом, которого боялись пацаны явно старшего возраста. Перед оврагом улица делала резкий спуск, и перед этим спуском стояла водоканалка, «колонка», как её тогда называли. Зимой в любой мороз мальчишки округи неслись от этой колонки вниз, к оврагу, и лихо тормозили перед ним. А когда были такие морозы, что детям в школу не нужно было ходить, то на этой горке с утра до вечера звучал уже узнаваемый смех Миши Степаненко, самого смелого и рискованного прыгуна с трамплина улицы Парижской, о которой он потом писал в своих стихах.

Мы окончили начальную школу и перешли в школу №83, что стояла на Кропоткинской улице. Миша стал появляться на улице реже, потому что мама отдала его в музыкальную школу, чтобы учиться играть на баяне. И с тех пор до самого выпускного вечера в школьных концертах звучал его баян.

Школьные годы закончились июньским утром на набережной Оби с Мишиным баяном в 1964 году. А осенью того же года я стала получать от него обыкновенные солдатские письма с необыкновенными стихами. Эти письма как-то потерялись. Жаль.

После армии он где-то пропадал по городам и весям. Вернулся, когда у меня уже были маленькие дети.

Мы с мужем снимали полуподвал частного дома на улице Енисейской. Сюда-то и стал заходить со своими друзьями-поэтами уже Михаил Степаненко. Чаще всего он приходил с Анатолием Маковским и Жанной Зыряновой. Наше жилище наполнялось алкоголем, шумом и поэтическими спорами. Читали свои стихи, говорили о поэтах-современниках. Жанна очень любила Бэllu Ахмадулину. Помню, как она прочитала её стихи и очень восторгалась строчкой «серебряное облако детей». Как же не понимали её братья по перу! Они были все очень разные. Их объединял только большой талант! Какие это были поэты!

Мои дети засыпали под этот гвалт, потом засыпала я. Утром я обнаруживала крепко спящего мужа, разгром на столе и незапертую дверь. Мало-помалу эти споры переместились к моей маме, которую Миша часто навещал до самой её смерти. Он очень нежно относился к старикам.

Мы закрутились каждый в своём быте. Редкие встречи, редкие звонки. Но очень хорошо помню летний день, Комсомольский проспект, когда я увидела его очень счастливым.

– Я женился вчера! Вот моя жена!

Поздравления, пожелания и его счастливый безудержный смех.

Так смеялся только Миша!

Так и шли мы по жизни далеко друг от друга и близко. Я была рада его подаркам: тоненьким книжкам его стихов. В последние годы он звонил редко. Разговор с ним был сумбурным, обо всём и ни о чём. О своих стихах и поэтических делах он говорил скудно.

Я всегда была так счастлива его слышать. На мои звонки он обычно не отвечал, а если и отвечал, то разговора не получалось. Но я всегда знала, что в этом городе живёт, как может, мой старый школьный друг, талантливый и необычный. Он таким родился и не хотел меняться.

Людмила Злобинская